Лингвистические и археологические заметки

I. Пеньтюх.

Псковская писцовая книга 1585 г., изданная в V т. „Сборн. Моск. Архива Минист. Юстиции", дает нам несколько раз уменьшительные: „Ортюшка Пантелеевъ сынъ *Пентюховъ*" (стр. 217), „О. П. С. *Пянтюховъ*" (стр. 217, 218), „О. *Пянтюховъ*" (стр. 222). Новгородская писц. книга, конца XVI в., изд. Грековым: „*Пентюхъ* рѣпникъ" (стр. 58). Без сомнения, мы имеем здесь перед собою производные от имени *Пантелей*, *Пантелеймон*, которое иногда писалось (и, конечно, произносилось) *Пянтелеймон*.

Соврем. влкр. говоры употребляют *пеньтюх* в значении: неуклюжий, неловкий парень и т. п.

Однородное употребление собственных имен личных в переносном значении не представляют редкости.

Житие Иосифа Волоцкаго, составленное Саввою, рассказывает: „(В Волоколамском монастыре) бѣ нѣкій инокъ отъ простыя чади, именемъ Виссаріонъ; и видяще его братія внешнюю простоту, нарекоша *его Селифономъ;* простъ бо бяше внѣшнимъ: внутрь же имѣя чистоту и цѣломудріе отъ чрева матери своея" (Мак. Ч.—М., под 9 сент., по изд. Археограф. Комис., стр. 468).

Селифон, *Селифонт* из Ксенефонт, Ксенофонт.

В один из документов по истории Соловецкого бунта, 1674 г., включено показание соловец. старца Пахомия, родом из Переславского уезда, по нынешнему из Рязанской губернии.

В нем такое место: „братьи въ монастыри всей съ триста человѣкъ, а бѣльцовъ больши четырехъ сотъ человѣкъ... стало у нихъ за воровство и за *капитонство*, а не за вѣру стоятъ; а въ монастырь въ Разиновщину пришли многіе *капитоны*, чернцы и бѣльцы, изъ Понизовыхъ городовъ" („Акты, относящ. къ исторіи Солов. бунта", изд. Барсовым, „*Чтенія*," 1883 г., кн. IV, стр. 80).

Слово *капитон* в влкр. говорах теперь повидимому уже не употребляется в нарицательном значении. В вышеуказанном документе оно значит: мошенник, плут. Ср. совр. влкр. *Фомушка*, *Филя*, *Федора*, с нарицательным значением, *подкузьмить*, *объегорить* и т. п.

По своему образованию, слова: *пеньтюх*, *пеньтех* не представляет ничего особенного. Уменьшительные (и часто презрительные) с звуком *х* обычны во всех славянских языках, иногда осложненные разными суффиксами. Псковская писц. книга 1585 г. дает нам ряд собств. имен личных на *хта* (из *хъта*): *Вахта* (от *Василий?*), *Кухта* (от *Кузьма?*), *Бахта*, *Рахта* и т. п.; ср. соврем. влкр. фамилии: *Вахтин*, *Бахтин*, *Опухтин* и т. п. Повидимому стар. блр. *плахта* название мужской одежды, совр. млр. *плахта*—назв. жен. одежды, представляют собою уменьшительные от *плат*. Срв. влкр. *платье*—название одежд или одежды вообще, первоначально с собирательным значением. Срв. влкр. *махотка*, из **махът-ъка*?

Совр. сев.-влкр., млр. и блр. имена на *хно* (из *хъно*) и *хна*, на *хонек* (из *хънькъ*) в роде *Махно*, *Пихно*, *Яхно*, с производными: *Михневич*, *Яхненко*, *Сахновский*, влкр. *махонькой* (от *малъ*), польск. powszechny (от местоим. *вьсь*; восходит к **по-вьшьхънъ*). Один из документов XVI в. имеет (не раз) уменьшит. *оспохна* с значением *барыня*, *барынька?* („Русск. Истор. Библиот.“, т. XV).

Более простые уменьшит. на—*хъ* некогда были широко распространены в влр. говорах: *Демех*, *Мелех*, (от *Мелетий*), *Терех* и т. п. („Псков. писц. кн. 1585 г. и друг.); теперь они сохраняются в фамилиях и местных названиях. Срв. чешск. уменьшит. Pech (от *Петр*), Mach и Macha (от *Матвей*), brach и bracha (от *братр*), hoch—парень (от holek, holec —безбородый, юноша). Повидимому, рус. *лох* (разновидность лосося, отсюда герм. lachs), *селех* (селезень), *жерех* (шерешпер) и т. п.—уменьшит. этого вида, С последним из приведенных необходимо сопоставить *жереспер*. Так называлась в XVI веке волость в Смоленском воеводстве, при речке Жереспее („Сборн. Ист.—Фил. Общ. при Инстит. в Нежине“, т. II, стр. 273, 276).

II. Хрущатый.

Великорусские нар. песни иногда придают слову *камка* эпитет *хрущатый*, который обыкновенно понимают в значении *хрустящий*. Но вот что мы читаем в документе 1670 г.

Царь Алексей Мих. приказывает купить на ярмарке в Архангельске камки, атласа и тафты разных цветов. Следует перечень, с указанием числа аршин. Камка куфтерь требуется: червчатая, алая, белая, желтая, рудожелтая. Камка, *кружчатая*, червчатая, огненная, желтая, рудожелтая, алая, белая с червчатым желтая с алым. Камка травчатая (с травами, т.-е. с узором): червчатая, огненная, желтая, рудожелтая, алая, белая с червчатым, желтая с алым. Камка чешуйчатая и клинчатая: червчатая, огненная, рудожелтая, белая, дымчатыя. Камка мелкотравная (с мелким узором): червчатая, рудожелтая, червчатая с желтым, белая с алым.

Кружчатая камка та, которая имеет узор из кругов. Превращение этого прилагательного в *хрущатый* объясняется легко и просто.

III. Опорт.

Между русскими породами яблоков, упоминаемых в документах старого времени (*налив*, *богдановские* в Новгор. писц. книг. XVI и др.), заслуживает внимания *опорт*. „В Гадяцком полку, въ мѣстечкѣ Опошнѣ“, читаем мы в документе XVIII в.,—“лутчiе фрукты—груши называемые зимницы, яблоки зимницы же опорот и сливы зимницы же и сливы венгерки и орѣхи волоскiе“ (грецкiе; Плохинский„ О доставке фруктов из Малороссии к царскому двору“, в „Сб. Харьк. Ист.-Фил. Общ.“, т. III, стр. 322). Эта порода яблоков; близкая к яблокам *антоновским*,—позднего выспева, очень ценная в промышленном отношении (для мармеладов, пастил и т. п.), как и антоновские яблоки, несомненно, русского происхождения. Теперь она в Москве широко распространена и называется *апорт*, *апортовые яблоки*.

Название неясно. Единственное объяснение, которое пока можно предложить, это то, что оно связяно с названием реки *Опороть* Черниговской губ., точно также как название породы яблок *варгульки*, повидимому, связано с названием реки *Воргол* Черниг. и Орлов. губ., а название *боровинка*—с названием города *Боровска*.

Другие русские породы всего чаще носят названия, связанные с их запахом: *коричневые* (от *корица*), *анисовые*, *грушевка* (с запахом груши) или с внешним видом: *белый налив*, *склянковые* (цвета зеленого стекла) или с качествами: *плодовитка* и т. д.

Обилие и разнообразие русских пород яблок указывает на то, что русские садоводы исстари занимались разведением культурных пород яблони, и в этом отношении достигли значительных успехов.

Несколько слов об уходе за яблонями в „Домострое“: „яблони подчищати и суша вырѣзывати... и пеньки и почки прививати“ (по изд. Забелина, стр. 120).

IV. Артель.

Бернекер в своем „Этим. Словаре слав. языков“, вслед за Ф. Е. Коршем, считает сев.-влкр. *ортель;* моск. *артель* происходящим от итальян. формы множ. ч. artieri. Но что общего в значении рус. *артель:* рабочее товарищество для совместной работы при условии правильного деления дохода или добычи, и в значении итал. artieri? И какими путями итальян. слово могло проникнуть в русскую среду?

Слово *артель* существовало у нас уж в XVII веке, в период значительного в Моск. Руси польского влияния, и потому—так как необходимо искать ему основания в каком-нибудь чужом языке,—наиболее удобно связывать его с польск. ortel, из герм. urtel, Urtheil.

Польское слово принадлежащее к числу терминов Магдебургского права употреблялось с значением: постановление, приговор. Перейдя в Россию, это слово стало обозначать такое рабочее товарищество, которого жизнь определялась приговором.

Белгородский (Курск. губ.) подьячий Ларивон *Артельный* упоминается в документе 1662 г. (Тупиков, Словарь др.-рус. личных собственных имен, Спб, стр. 32). Если в это время могло быть такое прозвание—фамилия,—очевидно, появление и самой артели, и слова *артель* у великоруссов надо относить к первой половине XVII века, когда—в связи с участием поляков и ополяченных русских в событиях Смутного времени—великоруссы познакомились и с курением табака, и с игрой в карты, и со многим другим, чего не знали в XVII веке.

V. Гверста.

В. И. Даль дает этому слову определение: дресва, дресвяник, самый крупный песок, хрящ; мелкая щебенка, щебень и указывает, как на область его употребления, на губернии Новгородскую и Псковскую. Известные нам названия населенных мест, производимые от *гверста*, действительно, принадлежит древним Псковской и Новгородской областям (например, дер. Гварстянка, Вышневолоцкого уезда).

По всей вероятности совр. *гверста* восходит к древ.-рус. *гвьрста, гвьрьста.*

В нем обращает на себя наше внимание сохранение звуковой группы *гвь* без смягчения *г* (срв. др-р. *цвѣтъ, цвьлъ, цвисти* и т. п. с одной стороны, влкр. *кведкой* из *квьлък*—и т. п. с другой.

Отсутствие смягчения *г* тем более примечательно, что в родственном польском źwir—дресва, хрящ мы видим наличность смягчения. Но и в źwir нечто странное: судя по польск. dźwierz, с *дз* из *г* перед *вѣ* из źe (ср. греч. θήρ, лат. ferus), мы ожидали бы видеть dźwir или żwir. Не сыграло ли здесь своей роли влияние слов с начальным *жв* (из *жьв*)?

VI. Ценин, циновка.

Обыкновенно пишут первое слово с *е* или *ѣ*, хотя неударяемый гласвый после *ц*, несомненно, звучал в Москве XVI—XVII в.в. близко к *и* или совсем как *и*. Этим словом называли, по определению археолога Савельева,—„особенное искусство украшения“, нечто в роде фаянса, иногда финифти (Зап. Отд. рус. и слав. археолог. Русск. Арх. Общ., т. I, 1851 г., стр. 67). А И. Е. Забелин в своей монографии („Историч. обозр. финифтян. и ценинного дела в России“, СПБ, 1853, стр. 41, 100) говорит: „В письменных памятниках XVII столетия словом *ценинный* обозначается фарфор и фаянс, расписаный преимущественно синею краскою“, при чем в примечании дополняет: „в XVIII в. фаянс называли ценином“, предлагая данные из описей этого столетия, указывающие на синий цвет предметов.

Не повторяя данных Забелина, мы предлагаем несколько своих. В числе „поминков“ Моск. царю из Персии 1591 г. находились: „чаша большая *ценинна* съ лазорью..., два блюдечка *ценинна* съ лазорью“...; „кушакъ золотной, полосы

шелкъ *ценинъ*"; в документе 1598 г.: „на шахѣ зипунец киндяченъ *цыниненъ*" (Труды Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., т. XX, стр. 157, 440). Из этих данных видно, что слово *ценинный* в конце XVI в. было обычным в Москве в двух значениях: 1) сделанный из ценина и 2) с цветом ценина, синий.

Срв. в монографии Забелина: „Так как в старину фаянс расписывался или даже обливался преимущественно синею краскою, то наши предки словом *ценинный* обозначали более цвет краски, нежели материю, из которой была сделана вещь... Образцы (=изразцы), или кафли, покрытые синею поливою, назывались *ценинными*, а зеленою просто зеленою".

Забелин высказывает свое предположение о происхождении слова: „слово *ценинный* не происходит ли от слова *синасъ*, которым европейцы в древнее время называли Китай? Поэтому *ценинный* может означать: китайский. В то же время у нас это слово могло означать и синий, потому что вывозимый из Китая в Европу фарфор был расписан по преимуществу синею (светло-голубою) краскою кобальтом" (стр. 41, 100, прим. 15-ое).

По нашему мнению, Забелин указывает нам настоящую дорогу для объяснения интересующего нас слова.

Позднее латинское название Китая China в XVI в. произносилось разными народами Европы разно. Одним произношением, старшим, было: *Цина*. Срв. Ц в русских стар. *арцыарцугъ*=герм. erzherzog (первая часть из латин. archi—греческ. ἀρχι—), совр. *цырульник, цырюльник*=польск cyrulik (из латин. chirurgus) и т. п. Другое произношение более позднее: *Хина*; оно обычно только в русских переводах с латин. XVII в. (по географии и истории).

Слово *Цина* (в значении: Китай) дало производное *цининъ*, китайское изделие вообще, предметы из китайского фарфора, китайский фарфор, откуда с течением времени получились значения: материал, похожий на китайский фарфор (близкий к фаянсу, финифти), предмет из этого материала, фарфор, фаянс и т. п. синего цвета.

Прилаг. *цининный* стало обозначать между прочим светло-синий или ярко голубой цвет.

Слово *циновка*, употребляемые изредка нами для обозначения рогожи высшего качества или из крученой мочалки или из какого-либо другого лучшего материала, первоначально могло обозначать рогожу—упаковку китайских товаров, кит. упаковочную ткань. По своему образованию это—производное от **циновый* (срв. *малиновый, рябиновый, осиновый* и т. п.).

Вероятно, одним из китайских изделий в старой Москве, м. б., наиболее важным, была хлопчатобумажная ткань *китайка*, позднее *нанка*, по Далю—мутно-желтого цвета, бывшая в Москве обычною уже во второй половине XVI в. В списках немец. товаров 1598 г. мы читаем: „бархату, домашки, отласу... *китайки, китайки* кирпичной цвѣтъ, *китайки* рудожелтой" (Рус. Ист. Б., XV, стр. 160, 212).

Но она мало нравилась, не пользовалась симпатиями потребителей. „Кумачу я не хочу", говорит в одной великорусской песне девушка своему милому другу, когда он предлагает ей „дорогие" подарки,—„*китайки* не надо; принеси, моя надежа, *алаго* грезета". Документы подтверждают указание песни XVIII в. Из трех Москов. рядных второй половины XVII в., изданных в „Чтениях" Моск. Общ. Ист. и Др., 1897 г., кн. I—только одна, 1682 г., упоминает о китайке: „охабень камчатой черчатой, охабень *китайчатой*, да охабень кумачной, да охабень *китайчатой*, а пугвицы у нихъ серебряны"; другая рядная, 1687 г., говорит о двух охабнях—„дорогильном" (из *дороги)* и „тафтяном", о шубе кумачной, „черленой", о наволоках „крашенинных", об одеяле „выбойчатом", о платках „кисейных", не упоминая об китайке.

Китайский *чай* появляется в Москве во второй половине XVII в., но в это время еще не имеет в ней употребления, через Сибирь.

А. Соболевский.

Перепечатано из журнала „Воронежский Историко-Археологический Вестник" № 2.

Р. В. Ц. 63. Тираж. 50 экз. Типография Профтехшколы, ул. 11 мая, 33.